

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТИШИНЕ

Командарм анализирует обстановку

Шел дождь, обычный в Прибалтике — мелкий, надоедливый. Лобовое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Бесперывно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза генеральскую фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту и забыл о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего неприятный разговор, и терпеливо ждал. Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек, всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной, ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости. Погодин знал до мельчайших подробностей распорядок его дня. Казалось, у командарма совершенно не оставалось времени на отдых. Но сейчас Погодин подумал невольно, что, наверно, в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой он ухитряется отдыхать.

Однако едва эта мысль мелькнула у Погодина, как командарм, не поворачиваясь к нему, сказал густым, низким голосом:

— Думаешь, наверно, что заснул старик? Нет, генерал, я не сплю. Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная, Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали мокрые стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело груженных “зиса”. Машина генерала была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разъездах. Командарм, всегда требовавший от своего шофера неременного обгона попутных автомашин, был сегодня спокоен и, казалось, даже не замечал, что его машина не могла развить скорость.

— Так вот, — после долгого молчания сказал наконец командарм, — любопытно мне, генерал, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин по-прежнему молчал. Он знал, что командарм не собирается выслушивать его мнение, прежде, чем выскажет свое. Погодин давно привык к такой манере командарма развивать свою мысль.

— Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? — снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом решительно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос, чтобы шофер не смог расслышать его слов:

— А теперь я требую, чтобы ты меня внимательно слушал. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неуспеху, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темп. В результате наметившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула вдруг и остановилась, но командарм даже не обратил внимания на это. Он продолжал свою мысль:

— Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него большие резервы. Вот тебе и объяснение. Оно формально вполне приличное и достаточно убедительное. Однако если мы посмотрим глубже, генерал, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так?

— Так, — отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

— Да, дело примет иной оборот, — задумчиво повторил командарм. — Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара. Скажу более — он ринулся с такой поспешностью, будто заранее знал об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?

Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос:

— Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

— Странно, — согласился Погодин.

— А почему странно? Странно потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили решение. Не кажется ли это тебе подозрительным? Не кажется ли, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

— Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу вдруг запрыгала, затряслась мелкой дрожью. Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

— И это нам с тобой не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться — этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я всегда догадываюсь о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла в это время, к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

— Короче говоря, генерал, — сказал он, — я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача — выяснить источник

этой информации. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

В маленьком домике

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, на которой вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

— Похоже, капитан, что вы равнодушны к Кедровой, — усмехнулся сидевший за столом майор Гришин, начальник Астахова.

— Неужели похоже? — удивился Астахов. — Да, очень.

— Она в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере и во внешности. Обратили вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажется, что в нем есть удивительная четкость и законченность линий.

— Ого, как вы ее разрисовываете! — засмеялся Гришин. — Уж не влюблены ли вы в нее?

Астахов сдвинул брови, поморщился, заметил холодно:

— А я вот положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует? Может быть, вы объясните это?

— Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток, право досадно, — по-прежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

— Таких шуток я действительно не понимаю, — упрямо повторил Астахов.

— Ну хорошо, — резким движением мускулов согнав с лица улыбку, сказал майор уже совершенно серьезно, почти официальным тоном, — не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстрой, легкой походкой прошла мимо домика, в котором жил и работал он вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

— Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? — спросил он. — У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

— В ее поведении, да, пожалуй, и в характере много непонятного для меня, — продолжал Астахов, — и вот я хочу понять, разгадать или даже, вернее, решить это непонятное, как решил бы математик неожиданно попавшуюся ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдержать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

— Математика слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

— Это так, — согласился Астахов, — однако в нашем труде и труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию из университета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось даже, что широкая образованность Астахова толкала его на поиски отвлеченных сравнений, отрывала от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, казались Гришину неприменимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

“Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математикегодились бы, конечно...”, — уже в который раз невольно подумал Гришин, но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, но по тону голоса Гришина, по тому, как невольно выпрямился он, Астахов догадался, что разговаривает майор с начальником. Ответы его были предельно лаконичны. Они состояли из повторения слов “так точно”, “никак нет”, “слушаюсь”. Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на рычажок телефонного аппарата, майор набросил на плечи шинель.

— Собирайтесь, товарищ Астахов, — сказал он, — нас генерал вызывает.

— Что взять с собой? — спросил капитан. — Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

— Как мне кажется, — заметил майор, — на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

Генерал ставит задачу

Генерал Погодин не мог не согласиться с мнением командарма, ибо слишком хорошо знал неоднократно повторяемую, ставшую шаблонной тактику противника.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков обороны, появлялись в районе прорыва через один — два дня. Более быстрое появление их не могло не вызвать подозрений. При такой значительности масштаба операции случайность действий противника исключалась. В этом командарм был прав. Приходилось допустить, что противник получил откуда-то информацию о наших намерениях.

Генерал Погодин много лет боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агентуры. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к своей задаче с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен — и всякий раз убеждался в этом, — что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, типичные для создавшейся обстановки. Это умение угадывать новые детали в старом приеме разведчика почти всегда обеспечивало ему победу.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по

небольшой комнате сельского здания, приспособленного для его штаба, когда адъютант доложил ему:

— Майор Гришин и капитан Астахов.

— Пусть войдут.

Разрешив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

— Вы знаете, — сказал он, — что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командованием ставится серьезная оперативная задача, то в разработке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывали различное воздействие. Гришин прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в энергичных операциях. Вряд ли предложит он оригинальное решение, зато выполнит уже готовый план безукоризненно. Капитана Астахова генерал считал совсем иным человеком. Он был неуравновешенным и слишком доверчивым, не обладал он и выдержкой Гришина, но зато имел четкую логику мышления и отличался большой самостоятельностью.

Пройдясь несколько раз по комнате, Погодин продолжал:

— И вот, однако ж, несмотря на это и на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но узнать это мы обязаны в самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

— Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба? — спросил он после непродолжительной паузы.

— Полагаю, что достаточно, — ответил Гришин.

— А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно, — строго заметил генерал, — ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке, никогда не бывают исчерпывающими. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям, присмотреться, отбросив предвзятое мнение, будто вы все знаете о них. Лучше будет, если вы допустите, что вам ничего о них не известно и что все нужно начинать с самого начала...

Логика капитана Астахова

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он это делал совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных размышлений. Ему всегда казалось, что это способствует

плавному ходу мыслей, но сегодня это не помогало ему.

Генерал предложил еще раз присмотреться к людям, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Он наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познавалось быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и характер и биографию их. Не все они были достаточно хорошо образованы, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От этого зависела и судьба этих людей и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов вначале третьего часа решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики “По-2”, направляясь к переднему краю, да с нудным гудом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в стороне железнодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

Сон не шел к Астахову. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, стал он рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что офицеры штабов управления армии не могли быть прямым или косвенным источником информации. В таком случае, оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий. Исчезновение подлинников было маловероятно, так как генерал Погодин сам заявил, что вся документация разработанной операции была собрана лично начальником штаба армии.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов проникнуть за пределы штабов, Астахов решил установить, какой же из оперативных документов был особенно важным и даже, может быть, собирательным, заключающим в себе весь замысел операции.

Капитан хорошо знал порядок работы штабов и имел ясное представление о всех основных документах, изготавлиющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых было нелегко. Зато второй вид документации — карты и схемы он считал совершенно ясными и потому более привлекательными для противника, ибо в них были перечислены все части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он мог бы открыть противнику почти исчерпывающие данные. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что оперативная карта и являлась основной целью вождения противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты, вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как

совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто невысказано.

Дойдя в своих размышлениях до этого пункта, капитан Астахов дальше так и не смог продвинуться.

В пятом часу пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходит, но, зная круг его обязанностей, всегда догадывался о целях его ночных посещений.

Астахов взбил соломенную подушку, натянул одеяло и, закрывшись с головой, попытался заснуть.

Зябко дрогнули стекла от гула артиллерийского налета на участок переднего края. Грохнул где-то, совсем недалеко, разрыв снаряда дальнобойного орудия противника, и снова все смолкло, а сон все еще не шел к капитану.

Если мысли имеют инерцию, то, видимо, они по инерции все еще продолжали вращаться вокруг карты. И, видимо, так велика была сила этой инерции, что Астахов невольно снова принялся размышлять о карте, и чем больше он о ней думал, тем очевиднее для него становилось, что именно за картой охотился противник, ибо она давала ему не только исчерпывающие, но и наглядные сведения о наших замыслах.

Рождение замысла

Утром капитан Астахов явился к генералу Погодину. Генерал принял его довольно холодно и всем своим необычно официальным видом, слегка приподнятыми бровями и вопросительным взглядом, казалось, говорил: “Не поторопились ли с визитом, молодой человек?”

Он жестом разрешил капитану сесть и принялся что-то записывать в блокнот. На Астахова это молчание подействовало удручающе, и он невольно подумал: “Не поторопился ли я в самом деле, не слишком ли быстро принял решение?”

Окончив довольно длинную и, как показалось Астахову, не очень срочную запись, генерал сказал коротко:

— Ну-с, слушаю вас.

Несмотря на невольное волнение и некоторую неуверенность, вызванную холодным приемом генерала, капитан все же довольно твердо и четко изложил свою мысль.

Генерал выслушал его внимательно, не перебивая и не отвлекаясь ничем. И хотя мысль капитана, видимо, показалась ему несколько наивной, он не позволил себе улыбнуться, а напротив, отнесся к нему с должным вниманием и серьезностью, что, впрочем, не помешало ему заметить:

— Все это так, товарищ капитан, но этим вы не открываете ничего нового. Ценность карты для противника совершенно очевидна, однако получить ее не так-то просто, тогда как короткое устное или письменное сообщение о том, что тогда-то такими-то силами и в таком-то направлении мы собираемся наступать, противника вполне бы удовлетворило. Это ведь гораздо проще и естественнее.

— Да, конечно, это проще, — согласился Астахов, — но это общее положение, а я беру частный случай. Если бы дело шло о широкой разработке операции с привлечением к этому большого количества исполнителей, то, конечно, правильнее было бы сделать ваше допущение, но ведь тут речь идет об очень ограниченном круге лиц, честность которых вне подозрений. Иными словами, я хочу сказать, что люди в данном случае не могли явиться источником информации.

— Вы имеете в виду больших начальников?

— Да.

— Но ведь, кроме них, могли же иметь отношение к этому и небольшие начальники, — возразил генерал. — Насколько мне известно, в штабе инженерных войск чертежница не такой уж большой начальник. Если мне не изменяет память, она всего лишь старший сержант.

— Так точно, товарищ генерал, старший сержант, но на этот раз она не имела отношения к карте. Это мне известно совершенно достоверно. К тому же, товарищ генерал, чертежница Кедрова работает в штабе инженерных войск вот уже около двух лет, и мы не имеем оснований ей не доверять. Генерал промолчал, хотя чувствовалось, что принципиально он был не согласен с Астаховым. Переждав несколько минут, капитан продолжал:

— Я все-таки уверен, товарищ генерал, что противник использует наши оперативные карты, каким-то образом проникающие за пределы штаба.

— Что же вы предлагаете?

— Я предлагаю эксперимент. Нужно срочно произвести разработку очень серьезной, но фиктивной операции. Нужно также, чтобы о фиктивности ее знали только два человека: вы и командарм. Все остальные должны принимать ее всерьез. И еще одно неперемное условие: к разработке этой операции должно быть привлечено строго ограниченное количество лиц. Лучше всего, если вы сами составите список и предложите его командарму.

— Да, пожалуй, это уместно, — согласился генерал после некоторого раздумья. — Не знаю только, как к этому отнесется командарм...

В тот же день генерал Погодин предложил идею Астахова командарму, и командарм, вопреки опасениям Погодина, одобрил ее.

— Это любопытно, — сказал он. — У нас сейчас оперативная пауза. Народ ничем особенным не занят, так что, пожалуй, можно попробовать.

Командарм перелистал настольный календарь, подумал и спросил:

— Когда лучше, по-твоему?

— Да хотя бы завтра, — ответил Погодин.

— Ну что ж, завтра так завтра.

И вот утром следующего дня командарм собрал у себя командующих и начальников

родов войск армии и приказал им разработать план крупной наступательной операции.

В штабе инженерных войск

Поздно ночью в просторной штабной землянке инженерных войск армии помощник начальника секретной части старший сержант Яценко укладывал в обитые железом ящики секретные дела и карты.

В штабе, кроме Яценко да чертежницы Кедровой, никого не было. Генерал Тихомиров и полковник Белов с утра засели в землянке полковника и никого туда не пускали. Старший помощник Белова майор Рахманов и два младших помощника ушли ужинать. Похоже было, что они еще не скоро лягут спать, ибо, по установившейся традиции, офицеры штаба раньше генерала и полковника спать не ложились.

Уставший, вечно недосыпающий старший сержант Яценко ворчал:

— Нет ничего тяжелее штабной работы. Сидишь, как проклятый, день и ночь — и никакой видимости!

— Что ты имеешь в виду под видимостью? — спросила Кедрова. — У тебя очень замысловатый слог, Остап.

— Никакой продуктивной работы не видно, вот что я имею в виду. Одна неосязаемая писанина.

— Неужели все эти ящики с “писаниной” неосязаемы? — засмеялась Кедрова.

— Ты все шутишь, Наташа, а я чертовски спать хочу.

Старший сержант Яценко, веселый, добродушный человек, действительно смертельно хотел спать. Вздремнуть хотя бы только три — четыре часа, но так, чтобы никто не потревожил, не разбудил и не спросил ключей от ящиков и шкафов или очередного исходящего номера, казалось ему верхом блаженства.

— Знаешь, Наташа, — сказал он, — я сейчас дождусь майора Рахманова и буду проситься на отдых, все равно я уже не работник. У меня один глаз только смотрит, а другой давным-давно спит. И тебе советую проситься. Чует мое сердце, будет у нас завтра работенка. Неспроста генерал с полковником заседают — похоже, что к новой операции будем готовиться.

— Что ж проситься, — вздохнула Кедрова, — начальство само знает, когда отпустить.

— Но ведь ты тоже вторые сутки не спишь и вообще все время недосыпаешь. Тебе ведь вредно...

— Э, брось ты это, Остап!

Яценко тяжело вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

— Чертежная работа уж очень мытарная. Ты бы на работу полегче попросилась.

Кедрова нахмурилась и сказала строго:

— Оставь ты это, Остап. Не люблю я этих соболезнаваний! Что же, по-твоему, я с работой разве не справляюсь?

— Да что ты! Наоборот! — Ну, и не будем говорить об этом.

Яценко улегся на сдвинутые железные сундуки, подложив под голову пухлую папку, и хотя он имел обыкновение засыпать почти мгновенно, на этот раз долго ворочался и все не мог успокоиться.

— Мне, знаешь ли, Наташа, — продолжал он, — очень нравится, что ты такая серьезная, рассудительная и строгая.

— Что это ты сегодня разоткровенничался, Остап? — удивилась Кедрова. — Никак, еще в любви вздумаешь объясняться?

— Я бы и объяснился, да ведь ты смеяться будешь.

— Конечно, буду. — Наташа улыбнулась, обнажив удивительно ровные, влажно блестящие зубы. Махнув на Яценко рукой, она добавила: — Ну, да ты спи лучше.

Яценко повернулся на другой бок, но в это время у входа в землянку раздались голоса, и он торопливо поднялся со своего железного ложа.

— Наши, кажись. Ох, чует мое сердце, не спать мне и эту ночь.

В землянку вошли полковник Белов и майор Рахманов.

— А ты чего не спишь, куме? — шутливо обратился Белов к старшему сержанту.

Полковник был постоянно весел. Кажется, еще не было такой неприятности, от которой бы он приуныл. Расточая направо и налево свои, иногда несколько грубоватые, шутки, он всегда делал это добродушно, не думая никого оскорбить или обидеть.

Пока Яценко бормотал что-то о том, что рад бы поспать, да возможности нет, полковник, не слушая его, направился к Кедровой и, улыбаясь, протянул ей руку:

— Приветствую вас, красавица!

— Вы бы мне лучше доброй ночи пожелали, — засмеялась Кедрова.

— Именно доброй, а не спокойной. До спокойной еще далеко.

— Значит, будем работать?

— Да, работать. Но вы не пугайтесь! Трудиться придется мне, вы же ступайте пока отдыхать.

Полковник снова протянул ей руку и сказал:

— Спокойной ночи!.. Ну, а тебе, куме, — обратился он к Яценко, — придется пободрствовать. Ого, как вытянулась твоя физиономия! И здоров же ты спать, куме! Ну, да что с тобой поделаешь. Достань-ка мне дело номер тридцать да устраивайся здесь на ящиках.

Ты ведь, говорят, как факир, можешь спать хоть на гвоздях. Ложись, куме, отсыпайся на здоровье, а когда понадобится, я тебя разбуду. В это время вошли в землянку остальные офицеры штаба.

— Ну-с, — повернулся к ним полковник, — а вы все марш спать! Подъем в шесть ноль-ноль. Спокойной ночи и приятных сновидений!

Разведсводка

К исходу суток офицеры общевойсковой разведки штаба армии составляют разведсводку. Короткий, отпечатанный на одной или двух страницах документ впитывает в себя кропотливую и небезопасную работу разнообразных органов армии за целые сутки. Тут есть все: положение войск противника, действия его авиации и артиллерии, данные дневных наблюдений за передним краем и всеми просматриваемыми участками фронта неприятеля, результаты ночных поисков, опросы пленных, данные авиаразведки и наблюдения за работой вражеских войсковых раций.

Добывая эти сведения, в дивизиях и корпусах, в артиллерийских и инженерных частях десятки опытных разведчиков с различных пунктов, вооружившись стереотрубами, перископами и биноклями, зарывшись в землю или забравшись на деревья, в любую погоду просматривают каждую видимую пядь земли врага.

Пройдет ли группа солдат вдоль фронта, проследуют ли повозки с ящиками, донесется ли шум поезда со стороны вражеской станции, промелькнет ли где-нибудь между деревьями связной велосипедист — все это тщательно заносят в свои журналы наблюдений разведчики-наблюдатели, указывая точную дату, время суток, квадрат или более точную координату топографической карты. Ничего не ускользнет от их внимания. Они всё слышат и видят, всё точно записывают и своевременно доносят своему штабу. Даже тогда, когда пелена тумана закрывает поля видимости, когда длительные дожди косым пунктиром штрихуют просматриваемые участки, разведчики все равно ведут наблюдения, занося в журнал плотность тумана, длительность дождя, его интенсивность и глубину видимости.

Когда же ночь черным своим маскхалатом скрывает от глаз территорию врага, на смену зрению разведчиков приходит их слух. Наблюдателей сменяют тогда “слухачи”. Они почти вплотную подбираются к переднему краю обороны противника. Изощренный слух их улавливает малейшие шорохи, едва слышные звуки, идущие издалека. По ровному глухому шуму опознают они движение пехоты, по дробному гулу, фырканию и цокоту копыт — конницу, по прерывистому лязганью металла — артиллерию и по непрерывному металлическому грохоту гусениц и резкому шуму моторов — танки и самоходки.

Уходят разведчики и в глубину вражеских позиций и там, в шести-десяти километрах от переднего края обороны, ведут скрытое наблюдение за огневыми точками, живой силой и оборонительными сооружениями врага.

А пока войсковая разведка прощупывает передний край и тактическую глубину обороны противника, авиация углубляется в его тылы, а радиоразведка тщательно следит за работой его засеченных радиостанций, их перемещением, исчезновением или появлением новых раций. К вечеру через пункты сбора донесений, через посыльных и нарочных стекаются в штаб армии письменные донесения, схемы, карты, аэрофотоснимки, шифровки. И тогда штабные офицеры-разведчики принимаются наносить все это на карту, сопоставляя свежие сведения с уже имеющимися и определяя степень их достоверности. Постепенно такая карта густо покрывается графическими символами фортификационных сооружений, артиллерийских позиций, огневых точек и минных полей. Вписываются номера новых

вражеских частей, перемещаются старые. Бесперывно меняющаяся обстановка на карте еще энергичнее приходит в движение. Она дополняется и уточняется с каждым телефонным звонком, с каждым вновь полученным донесением. Напряженным, лихорадочным пульсом войны бегают на карте цветные карандаши, нанося все новые и новые условные знаки.

Обычно разведсводка бывает готова к вечеру. Однако в этот день еще задолго до установленного срока начальник разведки штаба армии доложил командарму, что перед фронтом армии противник пришел в движение.

— Что же это — перегруппировка? — спросил его командарм.

— Части противника перемещаются почти без соблюдения обычных мер маскировки, — отвечал начальник разведки. — Похоже, что противник встревожен чем-то и спешит усилить свою оборону.

Фотопленка Кедровой

В тот же день генерал Погодин срочно вызвал к себе Астахова. Аудиенция была предельно короткой, но капитан Астахов был не только удовлетворен ею, он был счастлив.

Генерал принял его, как обычно. Ни одним словом не высказал он своего одобрения, но по выражению его лица, по интонации голоса и по многим другим, почти неуловимым признакам понял капитан, что генерал им доволен.

Победа Астахову казалась очевидной. Командарм одобрил поданную им мысль и осуществил ее. И вот теперь официальные данные разведки со всей убедительностью объективных фактов подтвердили ее. Стало несомненным, что противник уже принимает контрмеры против вчера только разработанной штабом армии операции фиктивного наступления.

Это было даже не его личное торжество, а торжество логики, в которую капитан так верил и без которой не представлял себе разумной деятельности.

Выйдя от генерала и направляясь к себе, на свежем воздухе Астахов успокоился и понял, что повод к торжеству пока еще слишком незначительный. По сути дела, все осталось пока попрежнему, и до решения основного вопроса было еще очень далеко. Но все-таки была уже и маленькая победа, ибо круг, в котором находилось порочное звено, сузился, и сузился не произвольно, не случайно, а вследствие специально проведенного разумного действия. Значит, если и дальше действовать в какой-то логической последовательности, то и окончательное решение будет найдено.

Рассуждая таким образом, Астахов пробирался по узкому, скользкому от грязи дощатому настилу вдоль улицы поселка, в котором был расположен штаб армии. До домика его было уже недалеко, когда неожиданно встретился ему майор Гришин, вышедший из соседнего переулка. Капитан хотел было доложить ему результат посещения генерала, но майор перебил его.

— Все знаю, — сказал он. — Я только что от разведчиков. А для вас у меня дело. Знаете ли вы, что у Кедровой имеется отличный фотоаппарат?

— Да, конечно. Она ведь этого не скрывает.

— Что у нее — наш ФЭД или какая-нибудь немецкая штука?

— Наш ФЭД.

— Ну, а как Кедрова фотографирует? — Имел удовольствие у нее фотографироваться. Могу доложить — фотограф она отличный.

Майор попросил у Астахова зажигалку. Прикуривая, сказал, понизив голос:

— Поинтересуйтесь, что она фотографирует. Пленку проявляет она в фотолаборатории армейской газеты. Найдите повод посмотреть ее негативы. Были вы сегодня в редакции?

— Нет, не был.

— Ну, так зайдите непременно.

Гришин кивнул ему и завернул за угол. Астахов пересек грязную улицу и направился на окраину села. Однако не прошел он и трехсот метров, как увидел вдруг Наташу Кедрову. Она выходила из соседнего переулка.

“В редакцию я еще успею, — решил капитан, — нужно будет поговорить с ней...”

— А, Наталья Михайловна! — весело воскликнул он. — Далеко путь держите?

— На свою квартиру.

— Нам по пути. Вы, кажется, где-то недалеко от меня живете?

— Не знаю, где вы разместились, а я еще с тремя девушками живу в конце вот этой улицы.

— Ну, так нам определенно по пути! — засмеялся капитан.

Они пошли рядом. Наташа, помолчав немного и не глядя на Астахова, сказала:

— Знаете, товарищ капитан, когда меня называют по имени и отчеству, мне почему-то всегда кажется, что надо мной подшучивают.

— Почему так? — удивился Астахов.

— Не знаю. Лучше уж, по-моему, назвать просто по имени или по фамилии. В армии ведь так больше принято.

— Похоже, что вы сегодня не в духе, — заметил капитан, пристально взглянув на утомленное лицо Наташи.

— Нет, я просто устала. Эти дни очень много приходится работать. А вы, кажется, в отличном настроении?

— Я всегда бываю в хорошем настроении, когда ясно понимаю, что происходит вокруг меня.

— Даже если плохое?

— Да, даже если плохое. Только я непременно должен разобраться во всем.

— Это удивительно! — заметила Наташа и, с любопытством взглянув на Астахова, добавила: — Извините, но у вас очень самодовольный вид.

— Вы вообще, кажется, не очень-то лестного мнения о моей внешности, — усмехнулся Астахов, чувствуя, что ему приятно идти с Наташей и разговаривать с ней. — Хотелось бы взглянуть, — продолжал он, — каким же получился я на вашей фотографии? Помните, вы щелкнули меня своим ФЭДом дней пять тому назад?

— Помнить-то помню, — отвечала Наташа, — но пленку до сих пор не удалось еще проявить. Последние дни абсолютно нет свободного времени.

— А может быть, вы мне доверите эту операцию?

— Какую операцию? — не поняла Наташа.

— Да проявление пленки. Я в этом деле смыслю кое-что, так что можете не беспокоиться, не испорчу.

Наташа молчала.

— Пленка-то с вами, наверное? — спросил Астахов.

— Да, пленка со мной, но стоит ли утруждать вас?.. Я и сама освобожусь скоро.

Наташе, видимо, не хотелось давать пленку Астахову, но он сумел настоять на своем, и она уступила.

— Через пару дней, — весело заявил Астахов, — а то и раньше я верну вам все это в проявленном и отпечатанном виде. Можете быть в этом отношении совершенно спокойны.

— Да я и не беспокоюсь, — ответила Наташа.

Они были теперь возле дома Астахова, и он остановился в нерешительности — провожать Наташу до ее квартиры или попрощаться здесь.

— Ну-с, до свиданья, Наташа. Я живу вот в этом доме, — сказал он наконец, решив не провожать ее, так как она все равно стала бы возражать против этого.

— До свиданья, — ответила Наташа и неторопливо пошла через огород мимо окон дома Астахова.

Капитан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом соседнего сарая. Он вспомнил недавний разговор свой с Гришиным, и ему стало теперь смешно, что он назвал тогда интерес свой к Наташе профессиональным интересом. Просто она нравилась ему. Было в ней что-то привлекательное, хотя он и не мог пока определить, что именно. Но не внешность, конечно. Ведь вот машинистка Валя гораздо красивее ее, однако он к ней совершенно равнодушен. Нет, в Наташе другое что-то...

Астахов оставался у себя недолго. Он просмотрел несколько бумаг, принесенных из оперативного отдела его помощником лейтенантом Ершовым, и собрался уже уходить, когда кто-то робко постучал вдруг в его окно. Он вышел из-за стола и выглянул на улицу. Там, под окном, стояла Наташа.

— Заходите же, заходите! — крикнул он и, поспешив к дверям, распахнул их. — Прошу вас, Наташа!

Наташа вошла, смущенно улыбаясь.

— Извините, что беспокою вас, — сказала она. — Я отдала вам пленку, а после вспомнила, что у меня там есть снимки, которые нужно срочно отпечатать. Я, пожалуй, сейчас же пойду в лабораторию и проявлю их, Могу я получить у вас пленку?

Наташа заметно волновалась, и это не ускользнуло от внимания Астахова.

“Чего бы ей волноваться так?” — подумал он и тут же принял неожиданное решение.

— Вот беда! — воскликнул он. — Вам определенно не повезло, Наташа. Я только что отослал пленку в нашу лабораторию для проявления. Что у вас за срочность такая?

— Да ничего особенного. — Наташа, казалось, взяла себя в руки и говорила теперь спокойно. — Раз уж вы их отослали — ничего не поделаешь. Простите, что оторвала вас от работы...

Когда Наташа ушла, капитан вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему отнести пленку Кедровой в фотолабораторию и срочно проявить ее.

Отправив пленку, Астахов направился было к выходу, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан подошел к телефону и снял трубку.

— Зайдите ко мне, — прозвучал строгий голос. Это был голос генерала Погодина. Ход генерала Погодина

— Садитесь, — сказал генерал. — Мне пришлось вторично вызвать вас, так как я получил новые, весьма важные сведения. Вам необходимо знать их.

У генерала Погодина всегда было строгое, озабоченное лицо. Астахов не мог припомнить, видел ли он его когда-нибудь смеющимся. Но сегодня он был совершенно другим человеком. Тяжелые складки на лбу разгладились, улыбка округлила губы, холодные серые глаза потеплели. Сейчас этот большой, очень требовательный и строгий человек казался необычайно добрым. Он достал из своей рабочей папки внеочередную разведсводку, что-то энергично подчеркнул в ней и протянул Астахову.

Пока капитан читал, генерал принялся перелистывать книгу, лежавшую у него на столе. Книга была на английском языке и называлась “За стенами Федерального Бюро Расследований”. Автором ее был Джон Дж. Флоэрти. При всей своей загруженности служебными делами генерал Погодин умудрялся все же не пропускать ни одной литературной новинки о разведке и контрразведке. Задолго до того, как появились русские переводы, он уже прочел на английском языке все нашумевшие книги Майкла Сейерса и Альберта Кана, Фредерика Коллинза и Алана Хинда.

Астахов прочел сводку и вернул генералу. Погодин положил ее в папку и спросил:

— Понимаете вы, в чем тут дело?

— Не совсем, товарищ генерал.

— Ну да, впрочем, вы и не можете этого знать. Генерал вышел из-за стола и, неслышно ступая, стал прогуливаться по комнате, заложив руки за спину.

— А дело тут вот в чем, — продолжал он. — Подсказанная вами идея была безусловно удачна, но вы продумали ее только наполовину. Однако, повторяю, идея была хороша, и вторую половину ее нетрудно было додумать и без вас. И я это сделал. Я решил, что нужно разработать фиктивную операцию не только ограниченному кругу офицеров и генералов, но дать также каждому отделу штаба разную обстановку и группировку войск.

Генерал замолчал, продолжая прохаживаться по комнате, а Астахов невольно подумал: “Как же я — то до этого не додумался? Ведь это же так просто и к тому же почти решает основной вопрос!”

— И вот теперь мы имеем плоды этой идеи, — продолжал генерал после короткой паузы. — Днем нам было известно только то, что противник принимает какие-то контрмеры. А теперь мы уже точно знаем, что он принимает контрмеры соответственно плану, разработанному штабом инженерных войск. Понимаете теперь, в чем дело? Понимаете, какой вывод из этого нужно сделать?

— Да, товарищ генерал. Если это так, то несомненно, что в штабе инженерных войск что-то неблагополучно, — ответил Астахов.

— В этом теперь не может быть сомнений. Были вы сегодня в штабе Тихомирова?

— Нет, товарищ генерал.

— Не теряйте времени и зайдите сегодня же. Мы должны принять срочные меры. Постарайтесь узнать, точно ли только генерал Тихомиров и полковник Белов занимались разработкой операции или в этом участвовал еще кто-нибудь из работников штаба.

Проявленные негативы

Когда капитан Астахов вошел в землянку штаба инженерных войск, там царило необычайное оживление. Присмотревшись, он заметил, что в штабе были все три помощника, начальник секретной части и старший сержант Яценко.

— Что это у вас такое веселье? — спросил Астахов.

— У нас сегодня первый в этом месяце мало-мальски свободный вечер, — ответил майор Рахманов. — Вот мы и посветили его обмену боевыми воспоминаниями. Ваша очередь рассказывать, капитан Астахов. У вас-то, наверно, найдутся интересные истории.

— Найдись-то найдутся, — усмехнулся Астахов, — но, к сожалению, не подлежат оглашению. — Вроде как бы с грифом “совершение секретно”, — с уважением заметил старший сержант Яценко.

— Вот именно, — рассмеялся Астахов. — Расскажу вам поэтому то, что, так сказать,

“для служебного пользования”.

И он рассказал случайно пришедшую на память историю о немецком шпионе, которого разоблачил в самом начале войны.

Отделавшись таким образом, капитан присел возле стола старшего сержанта Яценко, заметив:

— У вас всегда так все заняты, а сегодня просто праздник какой-то.

— А это потому, товарищ капитан, — отозвался Яценко, — что работы сегодня мало, да к тому же и начальство отдыхает.

— Какое начальство?

— Генерал и полковник. Они больше суток работали без отдыха.

— А что, Кедрова тоже разве отдыхает? — спросил Астахов. — Не видно ее что-то.

— Да, она отдыхает. Ей тоже эти дни досталось. В два часа ночи она легла, а в пять утра полковник уже велел разбудить ее — надпись на карте делать.

— На какой карте?

— На карте инженерного обеспечения. Полковник лично всю ночь над нею работал. Очень уж секретная была. Он даже регистрировал ее сам. Я ему только очередной номер дал.

— А чертежницу-то как же он допустил?

— Очень просто: свернул карту до половины, а внизу велел надпись сделать, — охотно объяснил Яценко.

В штабе между тем продолжало царить оживление. Офицеры здесь были люди молодые, веселые. Они понимали толк в удачной шутке, остром слове. Поболтав о ними о всякой всячине, капитан Астахов попрощался и ушел к себе.

Лейтенант Ершов как раз в это время принес из лаборатории проявленную пленку. Астахов взял ее, подошел к окну и с любопытством принялся рассматривать.

На пленке были фотографии офицеров штаба инженерных войск, мост, недавно построенный армейской саперной бригадой, землянка штаба инженерных войск, Яценко в нескольких позах и еще какие-то сержанты. В самом конце пленки оказались снимки двух топографических карт.

Астахов взял лупу и внимательно стал рассматривать их. На негативе одной из карт он совершенно отчетливо разобрал надпись: “Карта дорог и мостов в полосе армии”. На снимке другой карты надпись трудно было разобрать, но по очертаниям ее, по условным обозначениям было несомненно, что и вторая карта была оперативной.

“Зачем ей понадобилось это?” — взволнованно подумал Астахов, но в это время быстро вошел майор Гришин.

— Быстро одевайтесь, — торопливо сказал он. — Возьмите с собой оружие. Едем на серьезное задание. Выполнять его будут корпусные работники, но генерал приказал нам при этом присутствовать. Машина уже ждет нас. Поторопитесь! Дорогой все объясню.

В зеленом квадрате

Дорогой майор Гришин рассказал, что связисты армии запеленговали работающую у нас в тылу подозрительную радиостанцию. Был точно установлен квадрат ее местонахождения, и вот теперь корпусная контрразведка должна была прочесать этот район. В штаб корпуса прибыли поздним вечером. В темноте, среди мокрых колючих елей, долго искали землянку подполковника Соколова. Наконец наткнулись на часового, который грозно окликнул их. Майор назвал пропуск и спросил, как пройти к Соколову.

— Вот тут. Проходите влево.

Подполковник давно уже ждал их. На нем было кожаное пальто, полевая сумка и сигнальный электрический фонарь на поясе.

— Наконец-то! — облегченно сказал он. — Последний сигнал рация подала полчаса назад. Местонахождение ее в квадрате 8596. Вот тут.

Подполковник ткнул пальцем в зеленый квадрат карты, развернутой на столе.

— Значит, в лесу, — заметил майор Гришин.

— Да, — подтвердил Соколов, — этот квадрат и все смежные — лес. Мои люди уже оцепили подозрительный район и никого оттуда не выпустят. Сейчас ночь, боюсь, что темнота помешает нам... Может быть, подождать до рассвета?

— Нет, нет! — возразил Гришин. — Действовать нужно немедленно.

В лесу было непроглядно темно. Шли не разговаривая, с протянутыми вперед руками, натываясь на мокрые стволы деревьев. Часто останавливались прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Вскоре окружение подозрительного участка настолько сузилось, что автоматчики могли бы взяться за руки и замкнуть круг. Однако в лесу по-прежнему было тихо; только ломкие ветки хвороста чуть слышно похрустывали под ногами солдат подполковника Соколова.

И вдруг где-то в центре оцепления вспыхнул тусклый отблеск света, идущего откуда-то снизу, будто из-под земли.

— Шире шаг! — прошептал подполковник, и почти тотчас же раздавшийся дробный звук автоматной очереди невольно заставил людей остановиться.

Пули просвистели над их головами, слепо тыкаясь в стволы деревьев. За первой очередью последовала вторая, уже в другом направлении. И тут послышался вдруг приглушенный стон раненого человека. Было несомненно, что ранен кто-то из автоматчиков Соколова.

— Я потребую, чтобы они сдались! — раздраженно заявил подполковник.

— Попробуйте, — откуда-то из темноты отозвался майор.

— Послушайте, вы! — крикнул Соколов. — Прекратите бесполезное сопротивление. Вы окружены!

В ответ грянуло несколько выстрелов, и Гришин вскрикнул. Астахов, бросившись на звук его голоса, успел подхватить ослабевшее тело майора.

— Я ранен в бедро, — прошептал Гришин.

— Ну, это уж верх наглости, черт бы их побрал! — обозлился подполковник и крикнул: — Вперед!

Из глубины окруженного участка снова кто-то выстрелил. Раздались чей-то приглушенный стон, проклятия и ответный выстрел.

— Не стрелять! — прохрипел майор Гришин. — Прикажите не стрелять, подполковник!

Но стрельба уже прекратилась сама собой. Снова все стало тихо. Два автоматчика взяли на руки раненого майора. Остальные медленно двинулись вперед.

— Сдавайтесь! — снова крикнул подполковник. Люди прислушались, затаив дыхание, и им показалось, что неподалеку хрипит кто-то.

— Зажечь свет! — скомандовал Соколов.

Несколько электрических фонарей осветило серые стволы сосен, желтые конусы света побежали по усыпанной хвоей земле и остановились на темной фигуре человека, лежавшего навзничь. Голова его была в крови.

— Фельдшера! — крикнул подполковник. Фельдшер, который наскоро уже перевязал Гришина, подбежал к лежавшему на земле человеку и пощупал его пульс.

— Скверное дело, — сказал он. — Кажется, его песенка спета.

— Осмотреть все вокруг! — приказал подполковник и стал обыскивать раненого.

В карманах его оказались документы на имя Ивана Сидорова и чистая записная книжка.

Разочарованный результатами обыска, Астахов спустился на дно неглубокой ложбины, где лейтенант и два автоматчика освещали что-то. В свете их фонарей Астахов увидел землянку, из открытых дверей которой валил дым.

Капитан подошел ближе, заглянул внутрь.

— Он тут жег что-то, — сказал лейтенант, указывая на закопченный металлический остов рации и небольшую грудку пепла, лежавшую на земле.

Астахов опустился на колени и осторожно стал перебирать пепел. Плотная бумага

хотя и сгорела, но не вся еще рассыпалась. На некоторых листках ее можно было разобрать следы написанного. Капитан хотел аккуратно сложить их в планшечку и взять с собой, но, побоявшись, что они дорогой рассыплются, решил, что лучше переписать с них все сохранившиеся знаки.

Попросив несколько фонарей, он стал изучать ломкие листки пепла. Большая часть их была повреждена. Определить, были ли на них какие-нибудь знаки, не представлялось никакой возможности. Но и на сохранившихся листках, казалось, ничего не было написано. Только на одном из них была едва заметна группа цифр.

Капитан достал блокнот и аккуратно записал в него обнаруженные цифры. Он не сомневался, что это была шифрограмма.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов, и подполковник Соколов приказал собираться в обратный путь. Майора Гришина еще раньше отправили в корпусную санитарную часть.

Когда подполковник с Астаховым садились в машину, фельдшер доложил, что раненый радист умер, не приходя в сознание.

Неужели Наташа?

Генерал Погодин, когда капитан Астахов доложил ему результаты ночной операции, приказал тщательно разобраться в найденной записной книжке и цифрах, обнаруженных на пепле, и доложить результаты вторично.

Астахов передал переписанные им цифры в шифровальный отдел, а записную книжку принялся изучать сам. Страницы ее были совершенно чистыми, только на одной было что-то написано и стерто.

Зная, что почти все шпионы прибегают к симпатическим чернилам и что в большинстве случаев чернила эти становятся видимыми под действием тепла, Астахов решил подвергнуть записную книжку нагреванию. Он знал, что под влиянием тепла симпатические чернила из раствора свинцового сахара обнаруживают черные буквы, из азотнокислой меди — красные буквы, из азотнокислого никеля — зеленые, а из сока луковицы — ярко-коричневые. Может быть, и эта записная книжка исписана такими чернилами?

Нагрев утюг, капитан прогладил им каждую страницу, но это не вызвало никакой реакции. После такой неудачи Астахов уже не решился проделать подобный же опыт над найденными между страницами записной книжки плотными кусочками желтоватой бумаги, непрозрачной на свет. Они казались капитану подозрительными, и он решил передать их вместе с записной книжкой в лабораторию.

На благоприятный исход анализа, так же, впрочем, как и на дешифрирование цифр, обнаруженных на полусожженной бумаге, он почти не надеялся. Вообще положение теперь представлялось ему осложнившимся, и виной всему он считал неудачу ночной операции, в результате которой был убит вражеский радист. А ведь показания его могли бы пролить свет на многое, так как Астахов почти не сомневался, что между таинственным проникновением секретных сведений за пределы штаба инженерных войск и этим подозрительным радистом существовала какая-то связь.

Весь день капитан безуспешно рассуждал об этом и строил разнообразные догадки,

однако все они казались шаткими, необидительными. Для построения стройной гипотезы были необходимы бесспорные фактические данные, а их пока не было.

Приходилось набраться терпения и ждать результатов раскодирования шифра и лабораторного анализа.

Вечером капитан направился наконец к шифровальщикам. По веселому виду подполковника Глебова, руководившего работой шифровальщиков, Астахов догадался, что ему удалось добиться успеха. До войны Глебов был профессором математики в Московском государственном университете и теперь блестяще разгадывал самые хитроумные коды радиogramм противника.

— Шифровку вашу мы раскодировали, — заявил Глебов. — В ней нет полного текста, но из того, что вы дали нам, получилось примерно следующее: “Нет четкости... увеличьте давление...”

Астахов долго размышлял над этими отрывочными словами, но понять, что они означали, не мог.

В лаборатории ожидала его еще большая неожиданность. На одном из кусочков желтой бумаги, переданной им для анализа, оказался снимок топографической карты с нанесенной обстановкой.

Астахов завернул отпечаток карты в бумагу и забрал с собой. Дома с помощью лупы, к немалому своему удивлению, обнаружил он, что это был снимок карты инженерного обеспечения последней (фиктивной) армейской операции.

“Что же это такое? — взволнованно подумал капитан. — Как попал к радисту этот снимок?”

И вдруг мрачное подозрение вспыхнуло в нем. Он вспомнил фото пленку Кедровой с отпечатками оперативных карт. Вспомнил, что Кедрова имела некоторое отношение и к последней карте инженерного обеспечения, над которой работал полковник. Она, правда, по словам Яценко, сделала только надпись на этой карте, но ведь в штабе тогда никого не было, а полковник мог отлучиться на несколько минут. Она вполне могла улучшить мгновение, чтобы щелкнуть затвором фотоаппарата.

И все-таки это казалось Астахову невероятным. Он полагал, что достаточно знает Кедрову, и не мог допустить измены с ее стороны. У него был свой взгляд на предательство. Астахов был уверен, что к предательству должны быть особые причины, у Кедровой же он не находил и намека на них. Она была дочерью рабочего, мастера одного из московских военных заводов. Старший брат ее, кадровый офицер, командовал гвардейским артиллерийским полком. Сама Наташа — комсомолка, училась два года в Архитектурном институте, добровольно пошла на фронт.

Астахов часто встречался с Кедровой в штабе инженерных войск и в армейском Доме Красной Армии на киносеансах и концертах, много беседовал с ней, и хотя, может быть, не все ему было понятно в ее вкусах и взглядах на искусство — живопись и архитектуру, в благонадежности ее он никогда не сомневался.

И все-таки он должен был теперь заподозрить ее.

Явившись вечером с докладом к генералу, он высказал ему свои подозрения.

— Сможете вы окольным путем узнать, отлучался ли полковник Белов, когда Кедрова делала надпись на карте? — спросил генерал. — Мне бы не хотелось до поры до времени вести с ним официальный разговор на эту тему,

— Будет выполнено, товарищ генерал! — отвечал Астахов.
Неожиданное посещение

Капитан зашел в штаб инженерных войск в обеденное время. Все офицеры ушли в столовую. За перегородкой секретной части дремал, положив голову на пухлую папку, старший сержант Яценко.

— Здравствуйте, товарищ Яценко! — весело приветствовал его Астахов.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — встрепенулся Яценко.

— Где же начальство?

— Обедает.

Астахов прошелся по землянке, рассматривая развешанные по стенам карты и плакаты.

— Похоже, что вы здорово недосыпаете, товарищ Яценко? — сказал он. — Уж очень вид у вас измученный.

— Так точно, товарищ капитан, нормального сна давно не имею. Дождаться бы только, когда война кончится! Целый бы год тогда отсыпался.

— Что и говорить, нелегко вам приходится, — посочувствовал Астахов. — Но ведь сейчас всем достается. Надо полагать, что и начальство тоже недосыпает? Вот полковник Белов, к примеру?

— Так точно, полковник Белов определенно недосыпает. Тоже, вроде меня, иногда на ходу спит. Сам видел. Позавчера ночью, например. Сначала еще ничего, пока он сам над картой работал, а когда уже все готово было и. Наташа надпись стала делать, так форменным образом клевать стал. Меня тоже здорово ко сну клонило. Я даже выходил раза два на свежий воздух, чтобы не заснуть. Одна Наташа только бодрствовала. Вот, знаете ли, у кого железная выдержка!

— Выносливая? — спросил капитан.

— Исключительно выносливая. Двое суток свободно может без сна обходиться. Вообще, знаете ли, редкостная девушка...

Он хотел добавить еще что-то, но, заметив ироническую улыбку капитана, смутился и покраснел.

“Похоже, что влюблен в нее парень”, подумал капитан, собираясь уходить.

— Ну, счастливо оставаться, товарищ Яценко. Зайду к вам попозже.

“Что же получается? — думал Астахов, выбравшись из землянки. — Все факты не в ее пользу. Неужели я должен заподозрить ее? Но тогда я отказываюсь понимать что-нибудь...”

Астахову было не только неприятно, но и больно допускать такую мысль. Расстроенный, шел капитан по деревянному настилу улицы, никого не замечая. Он понимал, что генерал, узнав все собранные им факты, может приказать арестовать Кедрову. Факты эти вызывали, конечно, подозрения, но внутренней уверенности в виновности Кедровой у Астахова все еще не было. Задумчиво подошел капитан к своему дому и вдруг увидел у дверей Кедрову. Это было так неожиданно, что он забыл даже поздороваться с ней и смотрел на нее с явным недоумением.

Но и Наташа находилась не в обычном своем спокойном состоянии, а была чем-то сильно расстроена.

— Здравствуйте, товарищ капитан! — взволнованно сказала она. — Прошу извинить, что беспокою вас, но у меня к вам серьезное дело. Я уже заходила к вам, но не застала...

— Если дело серьезное, прошу зайти, — сказал Астахов, стараясь не глядеть на Кедрову, и, открыв дверь, пропустил ее вперед.

Пригласив ее сесть, капитан холодным, официальным тоном сказал:

— Слушаю вас.

— Видите ли, — смущенно начала Наташа, — позавчера я ошибочно передала вам не ту пленку, на которой сфотографированы вы, а совсем другую... на которой засняты мною две оперативные инженерные карты.

Астахов притворился удивленным:

— Оперативные карты? Для чего понадобилось вам делать такие снимки?

— Я выполняла приказание полковника Белова и сфотографировала их для штабного фотоальбома.

Наташа отвечала теперь совершенно твердо. От недавнего замешательства ее не осталось и следа. Астахов, теряясь в догадках, спросил строго:

— Почему же вы не сообщили мне об этом раньше?

— Да ведь я же объяснила вам только что, товарищ капитан, что ошиблась. Я не была уверена, что карты именно на этой пленке. По моим расчетам, они должны были находиться на другой ленте. Но вот только что я разрядила вторую кассету и поняла, что ошиблась.

Похоже, что дело было именно так. Кедрова не решилась бы выдумать все это. Он ведь мог бы тотчас же снять телефонную трубку и выяснить все у Белова. Ну да, по всему было видно, что она говорила правду. Капитан стал понемногу успокаиваться. Однако, продолжая разговор с Наташей, он все еще хмурился и смотрел на нее строго.

— Почему вы носите с собой эти негативы? — спросил он.

Тон, которым капитан задавал Наташе вопросы, создавал впечатление официального допроса. Наташа почувствовала это, удивленно посмотрела на него и спросила в свою очередь:

— А вы уже проявили мою пленку, товарищ капитан?

Астахов, решив, что целесообразнее не говорить пока правду, ответил:

— Я был занят все эти дни и не мог выбрать времени зайти в нашу фотолабораторию.

Капитану показалось, что Кедрова облегченно вздохнула.

— Тогда я объясню вам, в чем дело, — сказала она. — Карты эти, видите ли, сфотографировала я на пленку, на которой еще раньше были сделаны другие снимки... В штабе у нас, как вы знаете, нет фотолаборатории, и поэтому я вынуждена была брать их с собой, чтобы проявлять и печатать в лаборатории армейской газеты. Кроме того, сфотографированные мною карты давно уже не являются секретными.

— Зачем же вы, в таком случае, пришли заявить мне о них?

— Я сделала это потому, что на картах стоит гриф “секретно”, хотя все нанесенные на них данные перестали быть секретными, — спокойно отвечала Наташа.

Астахов задумался. Формально получалось, что за Кедровой не было никакой вины. Но почему же она была так взволнована в начале их разговора? Склонному теперь к подозрительности Астахову то казалось, что это неспроста, то, напротив, представлялось лишним подтверждением ее невинности и объяснялось ее застенчивостью. Чтобы несколько разрядить обстановку, он пошутил:

— А я — то думал, что вы пришли ко мне каяться в страшном преступлении. Можете не беспокоиться — ваша пленка у меня, как в несгораемом шкафу. Не сегодня, так завтра я возвращу ее вам.

Пожав Наташе руку, Астахов с облегчением отпустил ее. Спустя полчаса он отправился на доклад к генералу Погодину.

Положение осложняется

Выслушав Астахова, Погодин спокойно заметил:

— Я всегда считаюсь с субъективными ощущениями, однако отдаю предпочтение объективным фактам. Ваша убежденность в невинности Кедровой ничем, по сути дела, не подтверждена, кроме разве биографических данных, так что, в общем, я отношу это за счет ваших чисто субъективных впечатлений. Не подозревать Кедрову мы не имеем права. В создавшейся обстановке она, конечно, имела возможность сфотографировать карту инженерного обеспечения нашей фиктивной операции.

Генерал внимательно и, как показалось Астахову, строго посмотрел на него и заключил:

— Мое решение следующее: вы немедленно связываетесь с полковником Беловым и выясняете, действительно ли он поручил Кедровой фотографировать карты для фотоальбома.

Если поручал — дело усложняется, если нет — немедленно арестуйте ее. По некоторым причинам я вынужден торопиться. Всё! Действуйте, товарищ капитан!

Астахов вышел от генерала с самыми мрачными мыслями. Ему почему-то показалось, что генерал почувствовал в его словах личную заинтересованность в судьбе Кедровой. Под влиянием этих подозрений Астахов решил на этот раз исполнить свой долг особенно тщательно и беспристрастно.

Однако это было не так-то просто. Он хорошо понимал, что мог ошибиться, что нельзя доверять голосу чувства, и все-таки не мог заглушить этого голоса, не мог не считаться с ним. Он, конечно, исполнит свой долг, потому что чувство долга перед Родиной было в нем самым высоким, но теперь он не мог исполнить его так же легко, как прежде. Теперь он должен был заглушить в себе еще что-то волнующее, смутное, неизведанное.

Астахов шел своим обычным крупным шагом. Он не спешил, но и не замедлял его. Он шел исполнить свой долг и хотел быть до конца твердым.

Явившись в штаб инженерных войск и застав полковника Белова в его землянке, капитан хотел сразу же приступить к существу дела, но полковник опередил его.

— По вашему мрачному и решительному виду, — заявил он, — чувствую, что вы зашли ко мне неспроста. Наверное, не ошибусь, если предположу, что вас интересует пленка с негативами двух оперативных карт, сфотографированных Кедровой. Так?

— Так.

— Удивляетесь?.. Не удивляйтесь, я еще не научился читать чужих мыслей. Просто Кедрова была у меня только что сама и обо всем доложила. Страшного ничего нет. Карты старые, и, кроме грифа “секретно”, на них теперь ничего секретного нет. Я действительно поручал ей сфотографировать их для штабного фотоальбома.

Внутреннее чувство подсказало Астахову, что это именно так и должно быть, но он понимал, что торжествовать было рано. Он все еще не имел права снять подозрений с Наташи.

Но тут неожиданно мелькнувшая догадка сразу же изменила весь ход его мыслей. Он торопливо попрощался с полковником и поспешил в свое отделение. Достав из секретного ящика карту, обнаруженную у убитого радиста, капитан принялся тщательно изучать ее через сильную лупу.

— Ну да, так оно и есть! — воскликнул он. — Как же я сразу не сообразил этого? Это же чертовски важное открытие!

Астахов поспешил к телефону. Вызвав адъютанта Погодина, он попросил его доложить генералу, что имеет донести нечто чрезвычайно важное. Погодин был занят чем-то, и адъютант не сразу смог попасть к нему. Наконец он позвонил капитану и сообщил, что генерал ждет его. Капитан торопливо накинул шинель и поспешил к Погодину.

— Ну, что у вас нового? — спросил генерал Астахова, когда тот явился к нему.

— Я только что тщательно изучил снимок карты... — начал было Астахов.

Но генерал перебил его:

— ...и обнаружил на ней подписи Тихомирова и Белова? — Так точно, товарищ генерал, — удивлённо подтвердил капитан.

— Когда вы отдали желтый клочок бумаги на анализ в лабораторию, — объяснил Погодин, — я велел после проявления его изготовить для вас копию, подлинник же забрал себе. После вашего доклада о подозрениях, невольно падавших на Кедрову, я снова принялся тщательно изучать этот документ. Наличие подписи на снимке карты ставит Кедрову вне подозрений. Она ведь не могла сфотографировать карту после того, как подписали ее генерал и полковник. По словам полковника Белова, карта после подписания ее генералом Тихомировым пролежала на чертежном столе всего несколько минут. При этом в штабе никого, кроме Тихомирова и Белова, не было.

Генерал нервным движением достал из коробки папиросу и, сунув ее в рот, зажал зубами, забыв закурить. Встав из-за стола, он медленно принялся прохаживаться по комнате. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Видно, серьезное что-то замышлялось на фронте.

— Положение, как вы видите, чрезвычайно затруднительное, — продолжал генерал. — И оно еще более усложняется тем обстоятельством, что с завтрашнего дня начнется подготовка операции фронтового масштаба. Командарм только что вернулся из штаба фронта. Он докладывал там о создавшемся положении, но командующий фронтом своего решения отменять не стал. Нам приказано срочно ликвидировать источник информации противника. Понимаете теперь, каково положение?

По последним сводкам и напряженной работе штаба армии капитан уже и сам догадывался, что назревали важные события.

Круг суживается

Астахов испытывал странное, противоречивое чувство. С одной стороны, он не мог не сознавать, что в связи со снятием подозрения с Наташи наметившийся было след потерян, что опять придется блуждать в темноте, пробираясь вперед ощупью. Но, с другой стороны, он был рад снятию подозрения с Наташи, и в этом ощущении была не только удовлетворенность безошибочностью своего предчувствия, но и глубокая заинтересованность в судьбе девушки.

Теперь все приходилось начинать заново, но это не пугало капитана — напротив, он с еще большим рвением готов был взяться за работу. Ему казалось даже, что он никогда еще не чувствовал себя более бодрым и деятельным, чем теперь. Он хотел было тотчас же приняться за работу, но вспомнил, что не завтракал еще и, кажется, опаздывал на обед. Хотя ему не хотелось есть, он все же поспешил в столовую, твердо решив ничем не нарушать своего обычного распорядка дня.

Возвращаясь с обеда, капитан увидел вдалеке женщину, идущую ему навстречу. Она была еще так далеко, что трудно было узнать ее, но сердце подсказало ему, что это была Наташа. Заметив его, она, казалось, хотела было перейти на другую сторону улицы, но Астахов ускорил шаг и окликнул ее.

Наташа остановилась и холодно поздоровалась.

— Что это у вас такой кислый вид? — весело спросил капитан. — К тому же такие

воспаленные глаза, будто вы плакали.

Кедрова усмехнулась:

— Не имею обыкновения плакать, товарищ капитан. Да и отчего плакать? А вы все подшучиваете надо мной... — Ну что вы, Наташа! Никогда не позволяю себе этого ни над кем, тем более над вами.

Наташа удивленно посмотрела на него и спросила:

— Разве я для вас составляю какое-нибудь исключение?

Астахов смутился и даже покраснел чуть-чуть.

— Да, — негромко отвечал он. — Составляете...

Наташа заторопилась вдруг:

— Я очень спешу, товарищ капитан. Работы сегодня много.

— Ну, у вас вечно много работы! — засмеялся Астахов. — Вот возьмите-ка лучше вашу пленку. Как видите, проявлена она по всем правилам. Все негативы контрастные.

Наташа протянула руку за пленкой и впервые улыбнулась:

— Вот за это спасибо! А то мне за нее уже досталось от полковника. Ну, я пойду. До свиданья, товарищ капитан!

Она крепко пожала руку Астахову и поспешила в штаб, а капитан, глядя ей вслед, думал: “Она мне нравится, и ничего с этим не поделаешь...”

Развлеченный прогулкой и встречей с Наташей, Астахов с новой энергией взялся за работу. Он снова принялся рассматривать раскодированную шифрограмму, но ее короткий текст, так же как и прежде, не объяснил ему, об увеличении какого давления шла речь. Он не допускал возможности условного смысла этих слов, ибо их тогда незачем было передавать кодом; естественнее было бы предположить, что смысл этих слов буквальный. Но что означает это “давление”?

Отложив в сторону шифрограмму, капитан попытался подвести итог достигнутому за эти дни, и он оказался не таким уж жалким, как представлялось Астахову вначале. Круг, в котором было порочное звено, все более суживался. Если еще совсем недавно площадь его лежала где-то в пределах штаба армии, то теперь она сократилась до пределов штаба инженерных войск, а сегодня уже ограничилась штабной землянкой. Во времени сокращение было еще более разительным. Оно разнялось теперь всего лишь несколькими минутами, в течение которых карта лежала на чертежном столе после ее подписания.

Сфотографировать ее могли только в эти пять минут. Но как и кто?

На одно мгновение у капитана возникли подозрения, когда он вспомнил, что штаб инженерных войск размещен в землянке, которую раньше занимал штаб фашистского полка. Но подозрения эти показались ему неосновательными. Он хорошо знал эту землянку, так как тщательно обследовал ее вместе со старшим помощником Белова еще до размещения в ней

штаба инженерных войск.

Астахов знал, что раскрытием секрета немецкой информации занимался не только он один. Над этим работали все старшие офицеры отдела генерала Погодина, бреди них были люди значительно опытнее его, молодого офицера, однако это не мешало ему считать себя главным лицом, от которого зависел успех или неуспех дела.

Эта убежденность побуждала капитана Астахова к самой энергичной деятельности, и он жил теперь только одной мыслью: “Я должен найти источник немецкой информации”.

Но в этом желании не было ничего эгоистического. Он просто страстно желал помочь командованию сохранить тайну готовящейся операции, помочь выиграть эту операцию.

Чертежный столик

Утром следующего дня капитан Астахов пришел в штаб инженерных войск с намерением самым тщательным образом осмотреть чертежный стол Кедровой. В штабе было оживленно. Полковник Белов, обычно работавший в своей землянке, сидел за столом своего старшего помощника. Остальные офицеры тоже были все в сборе и усердно рылись в пухлых делах и справочниках. Кедрова за своим высоким чертежным столом переписывала какой-то график.

— Что это у вас сегодня с самого утра такое оживление? — весело поздравившись со всеми, спросил Астахов полковника. — Ведь вы же привыкли ночами работать.

— На фронте затишье, — отвечал полковник, — велено боевой подготовкой заниматься. Вот составляем план-программу. Но вы-то, конечно, знаете, в чем дело? — добавил он, понизив голос.

Да, капитан знал, в чем дело. Он знал, что с утра уже началась подготовка к новой крупной операции фронтового масштаба, но штабам было категорически запрещено говорить об этом. С этого дня не разрешалась телефонная, телеграфная и радиосвязь с войсками по оперативным вопросам. Рациями вообще было запрещено пользоваться. Большинство телефонов, связывающих отделы армии с корпусами и дивизиями, также было выключено. Разговаривать с войсками разрешалось только по вопросам боевой подготовки. Нужно было создать у противника впечатление перехода армии к длительной обороне.

— У меня к вам просьба, товарищ полковник, — сказал Астахов, подсаживаясь к столу Белова. — Я хочу попросить у вас схему вашего чертежного столика. Мы собираемся себе такой же соорудить. Мне кажется чрезвычайно удобной его конструкция.

— Пожалуйста. Он у нас не патентованный, — отвечал полковник. — Обратитесь к Наташе, это ее изобретение.

Капитан подошел к Наташе.

— А вы не возражаете, Наташа? — улыбаясь, спросил он. — Не бойтесь, что я присвою ваше изобретение?

— Вряд ли вы на него польститесь, — засмеялась Наташа. — Это ведь далеко не шедевр конструкторского искусства.

— А мне и не нужно шедевра. Стол ваш прельщает меня своей портативностью. Он

ведь разбирается?

— Да, разбирается. Могу продемонстрировать. Помогите мне, товарищ Яценко.

— Нет, нет, товарищ Яценко, — возразил Астахов. — Занимайтесь своим делом, я сам помогу Наташе.

Вместе с Наташей он быстро разобрал чертежный столик и внимательно осмотрел все детали его, но ничто не вызвало его подозрений. Все было естественно, очень просто и удобно.

— Отличный столик! — похвалил Астахов. — Надеюсь, вы дадите мне его чертеж?

— Да, конечно. Сегодня вечером сделаю.

Когда капитан Астахов попрощался, к Наташе подошел старший сержант Яценко и шепнул:

— Что-то уж очень стал интересоваться тобою капитан... Ему этот стол нужен, как мне бальное платье. Не собирается ли он за тобою ухаживать?

— Ну что ты, Остап, чушь какую-то мелешь! — недовольно возразила Наташа и вдруг со страхом почувствовала, что краснеет. Это разозлило ее, и она добавила раздраженно: — И вообще, какое тебе дело, кто собирается за мною ухаживать?

Войска идут к фронту

Вечером, когда Астахов, по заданию генерала Погодина, выехал в штаб фронта, все основные дороги были забиты артиллерией, танками и пехотой. Под прикрытием ночи в район предстоящих крупных операций стягивались войска. Спокойные, почти безлюдные днем, дороги ожили. Мощный шум моторов, лязг металла, ржанье лошадей, человеческие голоса — все слилось теперь в сплошной глухой шум.

Астахов всегда любил наблюдать эти ночные передвижения войск, полные затаенной могучей силы. Люди, моторы, орудия — все. тут было подчинено единой непреклонной воле верховного главнокомандования. Ею все соединялось, все цементировалось, все направлялось в одну точку. И даже тогда, когда танкисты шли в пункт “А”, артиллеристы — в пункт “Б”, а пехота — в пункт “В”, — все они шли к одной общей цели.

Проникнутые той чудодейственной силой, которая в военных приказах скромно именовалась волей к победе, советские войска неумоимо шли, ехали, плыли и летели, вытаскивали из непролазной грязи машины, биением собственного сердца оживляли заглохшие моторы. Их вела вперед, к победе, непреклонная воля великого человека, день и ночь бодрствующего над стратегическими картами Великой Отечественной войны.

Машина Астахова, лавировала между танковыми громадами, вползала на крутые подъемы, увиливала от страшных гусеничных тягачей и самоходок, осторожно огибала неумоимую, всюду поспевающую пехоту.

Астахов знал, что вся эта кипучая, напряженная ночная жизнь прекратится с первыми лучами рассвета. Неумолимые регулировщики перечеркнут дороги шлагбаумами и без специального пропуска не выпустят за их пределы ни одной машины, ни одной живой души. Все уйдет тогда в лес, обрстет искусственными насаждениями, зароется в землю.

Заботливые руки укроют густыми ветвями стволы орудий, составят в козлы винтовки, освободят от седел коней. Остынут в густой тени деревьев горячие тела машин. На траве, на шинелях, на плащ-накидках разлягутся уставшие люди. Все заснет, притаится от хищного взгляда воздушной разведки противника, и все внешне будет казаться спокойным, неизменным, ничем не угрожающим.

А где-то там, на других участках, откуда ушли уже многие части, где все перешло к жесткой обороне, саперы будут имитировать оживление. По ночам будут загораться многочисленные костры, грохотать моторы грузовиков со снятыми глушителями, а днем будут перетаскиваться на просматриваемых участках фронта макеты танков и артиллерийских орудий.

Астахов хорошо знал всю эту многообразную военную хитрость, неистощимую выдумку и напряженную, никогда не прекращающуюся деятельность. Он любил эту тяжелую, суровую, полную опасности жизнь, требующую хороших мускулов, выдержки, мужества и ума. Здесь не было ни дня, ни ночи, тут были лишь двадцать четыре часа, одинаково заполненные напряженной деятельностью. Здесь не было скидок на времена года, хотя и тут совершался их неизменный круговорот. Весна с ее паводками и половодьями, лето с жарой и засухой, осень с дождями, зима с морозами, и снежными заносами — ничто не могло сломить волю советских воинов. Любовь к Родине и лютая ненависть к врагам делали их неутомимыми.

Астахов знал, что спустя еще несколько дней советские войска придут в район сосредоточения и станут занимать исходные позиции. На них будут падать снаряды и бомбы противника, но вновь прибывшие части должны будут ничем не выдавать своего присутствия, не отвечать на выстрелы, не обстреливать самолетов. Противник до конца, до грозного сигнала атаки должен считать, что имеет дело только с прежними частями.

Но когда вылезут на передний край саперы и, делая вид, что минируют свои подступы, на самом деле станут проделывать проходы в минных полях для готовящихся ринуться вперед войск; когда в ночь перед наступлением поползут они к минным полям противника и, распластавшись под мигающим, недоверчивым оком ракеты, будут затем в непроглядной мгле снимать вражеские мины — тогда все вылезет из-под земли и застынет в напряженном ожидании.

Зная всю эту почти титаническую работу по подготовке к наступлению, все сложные этапы ее, Астахов мучительно остро сознавал свою ответственность, ибо не только его начальники, но и он лично должен был обеспечить сохранение тайны оперативных замыслов советского командования, не допустить проникновения сведений об этих замыслах к противнику. Он гордился этой ответственностью и был глубоко убежден, что именно в этой борьбе за сохранение военной тайны было его настоящее призвание, требующее предельного напряжения ума и чувств.

Еще одно звено

Астахов возвратился в штаб армии утром на следующий день. Он не сомкнул глаз всю ночь, и хотя генерал отпустил его отдохнуть до обеда, он и не думал ложиться спать. Перекусив наскоро, капитан поспешил в штаб инженерных войск за чертежом, который должна была приготовить для него Кедрова.

Астахов застал ее в штабе одну. Офицеры ушли на совещание к начальнику штаба, и даже Яценко вышел куда-то.

— Приветствую вас, Наташа! — весело сказал капитан, подавая Кедровой руку. — Надеюсь, вы сдержали свое обещание?

— Да, конечно, товарищ капитан. Чертеж был готов еще вчера вечером.

Кедрова протянула Астахову лист плотной бумаги, на котором очень тщательно был исполнен чертеж.

— Вот, пожалуйста, — сказала она.

— Спасибо, спасибо! — с удовольствием пожал Астахов Наташину руку, которая показалась ему холодной.

Наташа, смущенная не столько этим пожатием, сколько пристальным взглядом Астахова, спросила:

— Почему вы так подозрительно смотрите на меня, товарищ капитан?

— Меня глаза ваши удивляют. Но не смущайтесь, это не в порядке комплимента — я не специалист по этой части. У вас очень усталые глаза.

— Вы, кажется, второй раз уже об этом говорите... У меня в самом деле переутомлены глаза. И это все от лампочки, наверное. — Наташа указала на висевшую над чертежным столом лампочку.

— Что же, она очень тусклая или слишком яркая? — спросил Астахов.

— Исключительно яркая. От этого и болят у меня глаза. Я ведь больше ночами работаю...

Поговорив с Наташей еще немного, Астахов попрощался. Неподалеку от своего дома он встретил лейтенанта Ершова и приказал ему поинтересоваться электриком штаба инженерных войск.

Возвратившись к себе, капитан с удивлением увидел за своим столом генерала Погодина. Генерал сидел без шинели и, судя по окуркам в пепельнице, был здесь уже давно. Перед ним лежала его рабочая папка с документами.

— Вот, пришел вас проведать, — улыбаясь, сказал он. — Интересуюсь вашими бытовыми условиями. Что же вы стоите? Раздевайтесь, вы — у себя дома, и прошу присаживаться.

Капитан Астахов быстро разделся и сел против Погодина. Генерал бросил в пепельницу окурки и продолжал:

— У меня начальство из штаба фронта, сам Лаврецкий. Работает у меня в кабинете, а я до вечера займу вашу избушку. Ну, что у вас нового?

— Кажется, обнаружилось еще одно звено этого таинственного круга, — отвечал Астахов. — Я начинаю догадываться об одном пункте, казавшемся мне неясным.

— О каком же? — нетерпеливо спросил генерал.

— Мне было совершенно непонятно, каким образом ночью, без магния, в столь сложной обстановке можно было производить почти мгновенную съемку в штабе инженерных войск...

— Да, это весьма важный пункт, — согласился генерал. — Я тоже думал над этим. Любопытно, до чего же вы додумались?

— Одним умозаключением я, быть может, и не пришел бы ни к какому выводу, но я обратил внимание, что у чертежницы Кедровой по утрам постоянно были воспалены глаза. И вот оказалось, что это от слишком яркого света электрической лампочки, висящей над ее столом. Сегодня вечером я постараюсь лично посмотреть на эту лампочку. Мне думается, что именно она является источником освещения при съемке.

— Вы сделали ценное открытие, — одобрительно заметил генерал. — У меня есть дополнительные данные, которые могут подтвердить вашу догадку. Мне удалось установить, что шифрограмма убитого радиста раскодирована не совсем точно. Я установил, что в ней вместо слова “давление” следует читать “напряжение”. Таким образом, у нас получается: “Нет четкости... увеличьте напряжение...” Если допустить, что в данном случае имеется в виду электрическое напряжение, то ваша догадка окажется вполне уместной.

— Это бесспорно так, товарищ генерал! — воскликнул Астахов. — Тогда ведь и весь смысл шифрограммы становится понятным. Читать ее в этом случае нужно так: “Нет четкости линий (или контуров), увеличьте напряжение тока”.

Генерал достал из папки какую-то бумажку, разгладил ее ладонью и произнес задумчиво:

— Похоже на то, что этой шифровкой дается указание шпионам делать более четкие снимки. Но при чем тут напряжение тока?..

Помолчав, генерал добавил:

— Учтите, товарищ Астахов, и еще одно обстоятельство: нашей лабораторией установлено, что снимок карты, найденный у убитого радиста, сделан под углом в семьдесят пять градусов к плоскости карты.

— Это, пожалуй, пригодится нам, — заметил капитан.

— Я тоже так полагаю, — согласился генерал Погодин. — Этот непонятный пока наклон карты играет, видимо, очень существенную роль. Скорее всего он является какой-то помехой при съемке. Обратили вы внимание, что верхние и нижние контуры снимка не имеют достаточной четкости? А ведь это свидетельство того, что условия съемки были неблагоприятны и, видимо, наклона в семьдесят пять градусов невозможно было избежать. У нас с вами, товарищ Астахов, считанные часы. Подумайте над этими семьдесятю пятью градусами и поинтересуйтесь лампочкой.

Генерал подошел к окну, открыл форточку, глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся в комнату, и спросил:

— Кажется, хорошая погода сегодня?

— Так точно, товарищ генерал.

— Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ капитан, и прогуляйтесь на электростанцию штаба инженерных войск. По моим данным, она расположена в живописном месте.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил Астахов, надевая шинель. — Мне ясна ваша мысль. Я уже послал туда лейтенанта Ершова на предварительную разведку.

Взглянув на часы, капитан добавил:

— Через двадцать минут мы должны встретиться с ним в роще, неподалеку от электростанции.

Короткая аудиенция

В тот же день генерала Погодина вызвал к себе командарм. Он был задумчив и долго не начинал разговора. Хорошо зная его характер, Погодин не задавал вопросов. Он молча сидел перед столом командарма, лишь изредка поглядывая на его усталое, озабоченное лицо. Погодин знал, что две последние ночи командарм провел в своей рабочей комнате не смыкая глаз. Знал он также, что командарм только что имел разговор с начальником штаба фронта и тот поставил перед ним жесткий срок готовности армии к выполнению боевой задачи.

Положение было исключительно напряженным. Подготовка к операции уже началась. Об этом, правда, знали пока только старшие начальники, и в армейских штабах не разрабатывали еще частных задач. Но работа эта должна была начаться со дня на день.

Совсем недавно противовоздушная оборона штаба армии вела мощный зенитный огонь по вражеским самолетам. От страшного грохота все сотрясалось вокруг, но теперь установилась такая тишина, что слышно было, как тяжело дышал командарм, нервно постукивая кончиками пальцев по настольному стеклу своего огромного письменного стола. Перед ним лежали стопка телеграмм и клубки телеграфных лент, которые адъютант не успел еще наклеить на бумагу.

Генерал Погодин ясно сознавал всю свою ответственность. Для него было совершенно несомненно, что на карте стояла не только личная судьба его и командарма, но и судьба всей операции. А это было поважнее их личной судьбы.

Когда певучие стенные часы неторопливо пробили девять ударов, командарм, встрепенувшись от глубокого раздумья, внимательно посмотрел в глаза Погодину и сказал:

— Ну что ж, генерал, нам, пожалуй, и не о чем говорить... Тебе ведь и так, наверно, все ясно?

— Все, товарищ командующий.

— Завтра в восемь утра ждут моего доклада. Сможешь ты доложить мне что-нибудь к семи?

— Смогу, товарищ командующий, — отвечал Погодин.

На этом разговор был окончен. Командарм встал, протянул руку Погодину и крепко пожал ее.

— За эти годы, Михаил Алексеевич, не однажды приходилось нам рисковать головой, но никогда еще не было нам так туго. Ну, иди... Не спрашиваю, как у тебя дела, завтра в семь утра ты сам все скажешь. Желаю успеха!

Поздно вечером

В роще, неподалеку от сарая, в котором находилась электростанция штаба инженерных войск, Астахов встретил лейтенанта Ершова.

— Узнали что-нибудь? — тихо спросил капитан.

— Так точно, — отвечал лейтенант.

Астахов повернулся, и они пошли в сторону поселка.

— Докладывайте, — приказал он Ершову.

— Мне удалось навести кое-какие справки, — сказал лейтенант. — Электрик Нефедов, обслуживающий электростанцию штаба инженерных войск, оказался не военнослужащим, а вольнонаемным. Сегодня он весь день навеселе. С некоторых пор его вообще не покидает веселое расположение духа. Где он достает водку — неизвестно. Лампочкой я тоже интересовался. Беседовал с ним по этому поводу. Уверяет, что выменял ее у электрика артиллерийского управления. Спрашиваю, как фамилия электрика. Отвечает — не знаю. А имя сообщил и внешность описал. Ходил специально по этому поводу к артиллеристам. Они тут недалеко, по соседству с инженерами. Оказалось, что у них вообще никогда такого электрика не было.

— А под каким предлогом вы с Нефедовым беседовали? — встревоженно спросил Астахов.

— Сделал вид, что хочу раздобыть хорошую лампочку. Я же понимаю, что это тонкое дело, и действовал осторожно. Предлагал ему деньги и водку. Он обещал раздобыть. Сейчас лучше не заходите к нему: это может показаться подозрительным.

Капитан Астахов и сам понимал, что сейчас не время для этого. Только дождавшись сумерек, снова направился он к электростанции. На этот раз капитан решил зайти в нее не со стороны поселка, а из рощи. Не доходя немного до сарая, в котором была электростанция, он крикнул:

— Есть тут кто?

Ему не ответили. Он постоял немного и вошел в сарай. Там тускло горела электрическая лампочка над трофейной динамо-машиной. На ящике в углу дремал человек. Это был электрик Нефедов.

Капитан внимательно осмотрелся, но все вокруг было обычным. Заглянув под небольшой верстак и в ящики с проводами и электроарматурой, он отошел к дверям и крикнул громче:

— Эй, электрик!

Нефедов открыл глаза и зевнул.

— Кого там черти носят? — спросил он сердито, но, заметив офицерские погоны Астахова, нехотя поднялся с ящика. — Сюда нельзя, товарищ капитан. Не разрешается.

— У меня дело к вам, товарищ электрик, — вкрадчивым голосом произнес Астахов. — Нельзя ли подключиться к вашей электростанции на сегодняшний вечер? В нашей штабной автомашине аккумуляторы сели. Работа срочная, а мы без света.

— Ничего не выйдет, товарищ капитан, — хмуро ответил Нефедов. — Полковник Белов не разрешает мне никого подключать к нашей линии.

— А если я получу разрешение?

— Едва ли, — усомнился электрик.

— Попробую все-таки. Как мне отсюда ближе к нему добраться?

— Краиной поселка нужно идти, — ответил Нефедов, потирая взлохмаченную голову, видимо болевшую после дневной выпивки.

Астахов посмотрел на небо и покачал головой:

— Темновато. Не заблудиться бы. А что, если по линии электрокабеля попробовать пойти? Куда линия-то эта идет?

— В штаб инженерных войск. Она напрямик проложена, так что вам по кустам да по оврагам придется карабкаться. Шли бы лучше поселком...

— Мне время дорого, — ответил на это Астахов. — Пойду по кабелю. Это ближе и надежнее.

С трудом различая провода над головой, капитан пошел по их направлению. Ему важно было выяснить теперь, по какой местности проходит их трасса.

Идти целиной было неудобно, а возле оврага, поросшего кустарником, Астахов чуть не угодил в топкий ручей. С трудом отыскав мостик из бревен и перейдя на другую сторону ручья, капитан стал взбираться по крутому склону, цепляясь руками за кусты. В одном из них он нащупал запутанные в ветвях провода. Их было два. Они шли откуда-то из оврага и кончались возле куста, в котором стоял шест с подвешенным электрокабелем. Провода имели изоляцию, но оба конца их были оголены.

Хотя тут не было ничего удивительного, так как, по всей вероятности, провода оставили здесь связисты, собираясь использовать попутный шест, но Астахову это показалось подозрительным. Заметив это место, капитан двинулся дальше и вскоре без особых приключений добрался до штаба инженерных войск.

В штабе было пусто. Офицеры ушли ужинать, Наташи тоже не было. За складным походным столом сидел Яценко и лениво подшивал какие-то бумаги в толстую папку. Лицо у него было пасмурное, недовольное.

— Скоро ли придут офицеры? — спросил Астахов.

— Кто их знает, — неопределенно ответил Яценко. Капитан посмотрел на лампочку над чертежным столом: она горела значительно ярче всех остальных. Астахов прошелся несколько раз по землянке, то подходя, то отходя от чертежного стола, который был залит ярким светом и, казалось, невольно привлекал внимание капитана. Астахов пошатал его, то опуская, то поднимая рабочую плоскость. И тут неожиданная, смутная догадка родилась вдруг в нем. Изменив первоначальное намерение — дожидаться кого-нибудь из офицеров, он решил немедленно воротиться к себе, но, прежде чем уйти, спросил Яценко:

— А где же Наташа? Тоже ужинает?

— Может быть, и ужинает, — неопределенно отвечал Яценко. — Полковник ее вызвал, так что с ним, может быть, и ужинает.

— С чего это вдруг именно с ним?

— Как с чего? Очень ее уважает полковник. С братом ее он, оказывается, хорошо знаком. К тому же, видно, нравится она полковнику.

— Не он ли подарил ей эту великолепную лампочку, что над столом ее висит? — усмехнулся Астахов.

— Совершенно верно, — подтвердил Яценко. — Когда принес эту лампочку в штаб электрик Нефедов, генерал хотел было себе ее забрать, но Наташа убедила полковника, что такая лампочка ей более всего необходима. И вот полковник отвоевал лампочку у генерала для Наташи, а вы понимаете, конечно, каково было ее у генерала нашего отвоевать?

Капитан Астахов действует

На мгновение все смешалось в голове Астахова. Он шел спотыкаясь, не выбирая дороги, испытывая легкое головокружение. Уснувшие подозрения с новой силой поднялись в нем. “Неужели ошибся?.. Неужели не разгадал ее?” — тревожно думал капитан.

Однако он все еще не хотел поддаваться мрачным подозрениям. Он все еще надеялся, что тут какая-то случайность, что не имеет Наташа никакого отношения к лампочке, висящей у нее над столом. Яценко явно не в духе сегодня. Мог ведь он поссориться с Наташей и потом во злобе наговорить, будто специально выпросила она эту лампочку у полковника. Стоит ли придавать такое значение его словам!

Астахов старался взять себя в руки. Теперь, когда дело шло к развязке, нельзя было терять равновесие... Залп зенитных орудий нарушил ход его мыслей. Капитан остановился и стал прислушиваться.

Над селом кружил фашистский самолет. Пулеметы цветным пунктиром трассирующих пуль чертили небо. Снаряды зениток где-то очень высоко яростно рвали непроглядную мглу. А когда замер вдалеке рокот моторов и утих наконец грохот обстрела, капитан различил далекий, но уже явственно слышимый шум танков и артиллерии, идущих к местам сосредоточения. Это подействовало на него отрезвляюще. Чувство долга с новой силой поднялось в нем, заслоняя и заглушая все остальное.

Астахов вызвал лейтенанта Ершова и приказал ему срочно выяснить несколько вопросов в штабе начальника связи, а сам принялся изучать чертеж стола Кедровой. Когда лейтенант возвратился и доложил, капитан облегченно воскликнул:

— Я так и думал! Теперь нам не следует терять времени, товарищ Ершов. Срочно вызовите два отделения автоматчиков и будьте наготове.

Нужно было немедленно доложить обо всем генералу. Астахов поспешил к Погодину и, пробыв у него всего десять минут, направился к полковнику Белову. Не задержался он и у Белова. Обстановка требовала решительных действий, и капитан не терял даром времени.

Спустя несколько минут он уже был в штабе инженерных войск. Все офицеры находились теперь в сборе. Наташа тоже была в штабе. Она надевала плащ-накидку, видимо собираясь куда-то.

— Похоже, что вы Кедрову отдыхать отпускаете? — спросил Астахов старшего помощника.

— Да, — отвечал майор Рахманов, — я отпускаю ее, так как она работала всю прошлую ночь.

— Жаль, конечно, срывать заслуженный отдых, но ничего не поделаешь, — заметил Астахов, — ей придется изготовить карту вот по этой схеме. — Капитан протянул майору исчерченный лист бумаги и добавил: — Это приказание полковника Белова.

В это время позвонил сам полковник и подтвердил слова Астахова.

Наташа слышала весь разговор и медленно принялась развязывать шнур плащ-накидки.

— Вам не везет, — улыбаясь, обратился Астахов к Наташе.

Наташа внимательно посмотрела на него и, резким движением сбросив плащ-накидку, пошла к чертежному столу.

— Вам придется склеить листы участка нашей армии, — продолжал Астахов.

— Какого масштаба? — спросила Наташа.

— Пятидесятитысячного.

— У меня уже есть склеенные.

— В таком случае, нанесите передний край по последним данным, а границы корпусов и обстановку возьмите с этой вот схемы.

Астахов протянул Наташе схему, и она, беря ее, пристально посмотрела ему в глаза. Капитан был несколько смущен, но твердо выдержал этот взгляд.

— Мне почему-то кажется, — серьезно сказала Наташа, — что вы сегодня в плохом настроении.

— Напротив, у меня сегодня отличное настроение, — отвечал Астахов и, попрощавшись, вышел из штаба.

Подозрительная землянка

Как и предполагал Астахов, провода, обнаруженные им вечером, были теперь подключены к электрокабелю штаба инженерных войск.

— Будем осторожно двигаться вперед, — прошептал Астахов лейтенанту Ершову. — Держите людей на некотором расстоянии, но чтобы связь была идеальной.

Провода, скрытые кустарником, лежали почти на земле. Капитан, нащупывая их руками, медленно пошел вперед. Ершов следовал за ним. Было настолько темно, что стоило отнять руку от проводов, как терялась всякая ориентировка. Спустя полчаса Астахов и Ершов прошли склоном оврага около километра. Провода теперь круто поворачивали вправо и уходили в лес.

Хотя и раньше вокруг было очень темно, все-таки в лесу оказалось еще темнее. Ершов вынужден был держаться за полу шинели капитана, чтобы не потерять его из виду. Автоматчики цепочкой двигались вслед за ними. Тишина вокруг была настороженной. Даже артиллерийская перестрелка, доносившаяся совсем недавно с левого фланга армии, смолкла теперь. Дождичек, начавший было накрапывать и робко шуршать по листве, тоже прекратился. Слышно было только, как равномерно дышал позади капитана Астахова невозмутимый лейтенант Ершов.

— Вам знаком этот лес? — шепнул капитан лейтенанту.

— Да, я был здесь недавно. Тут стояли когда-то немецкие части, и весь лес изрыт их землянками.

Астахов шел теперь еще медленнее и вскоре совсем остановился. Оказалось, что провода ушли вдруг куда-то в землю. Попытка откопать их оказалась безуспешной. Офицеры присели под деревом, не решаясь разговаривать. Было очевидно, что цель, к которой они двигались, находилась где-то близко.

В лесу по-прежнему было тихо. Но вот неподалеку чуть слышно хрустнула ветка, а затем послышались чьи-то шаги. Кто-то совсем близко прошел мимо. Астахов и Ершов притаились за стволом дерева. Судя по звукам шагов, человек, прошедший мимо, направился к опушке леса. Он шел спокойно, уверенным шагом, видимо не раз уже совершая эту прогулку.

Спустя несколько томительных минут снова раздались его шаги. Человек возвращался назад и остановился возле дерева, за которым сидели капитан с лейтенантом. Слышно было, как он рылся в карманах. Затем послышался характерный звук трущегося о камень колесика зажигалки. Вспыхнуло желтое трепещущее пламя, вырвав из темноты несколько сырых, морщинистых стволов.

Астахов и Ершов, затаив дыхание, замерли за своим деревом. В свете короткой вспышки они увидели рослого человека в длинном плаще с капюшоном, стоявшего спиной к ним. Судя по отведенным в стороны и слегка приподнятым локтям, он, видимо, прикуривал от зажигалки.

Свет погас, и все снова утонуло в еще более густой и почти осязаемо плотной тьме. Человек двинулся дальше, и путь его теперь был заметен по призрачному огоньку его папиросы. Он остановился вскоре метрах в пятнадцати от Астахова и Ершова. В это время зашуршали редкие, не опавшие еще листья деревьев и хвоя на соснах под ударами первых капель снова начавшегося дождя. Огонек папиросы медленно опустился куда-то вниз и,

казалось, скрылся под землей.

— Наверное, тут землянка где-то, — чуть слышно шепнул капитан.

— Будем действовать? — так же тихо спросил лейтенант.

— Нет. Подождем еще.

Дождь кончился так же неожиданно, как и начался. Спустя несколько минут снова показался из-под земли огонек папиросы и медленно стал подниматься вверх.

— Идите к вашим автоматчикам, — шепнул Астахов. — Постарайтесь бесшумно схватить этого человека, если он дойдет до опушки. Оставьте у меня конец шпагата для связи. Двумя рывками я дам сигнал, что этот тип прошел мимо меня и направился в вашу сторону. Вы же дайте мне знать тремя рывками, когда все будет сделано.

Ершов ушел, а Астахов принялся напряженно следить за огоньком папиросы. Теперь он был хорошо виден, так как человек направлялся в его сторону. Он шел медленно, не выпуская папиросы изо рта. В тусклом свете ее при затяжках можно было заметить продолговатое лицо с острым носом и массивным подбородком.

Подождав, пока он пройдет мимо, капитан подал условный сигнал и стал прислушиваться. Минут через пять ему послышался придушенный хрип, несколько глухих ударов, и все стихло. Три коротких рывка шпагата известили его о благополучном выполнении замысла.

Привязав шпагат к дереву, Астахов направился к своей группе. Когда он добрался до места, лейтенант Ершов доложил ему:

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Что вы обнаружили у него? — торопливо спросил Астахов.

— В кармане его плаща были резиновые перчатки. Вот, посмотрите.

Астахов, пощупав холодную резину, поднес перчатки к носу.

— Нет сомнений, — заметил капитан, — с помощью этих перчаток он подключался к электрокабелю штаба инженерных войск. Оставьте с ним кого-нибудь, остальные пусть оцепят землянку, из которой он вышел.

Лейтенант отдал приказание автоматчикам и последовал за капитаном. Они прошли несколько шагов и остановились прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Постояв немного, капитан стал медленно спускаться в землянку, осторожно нащупывая ступени. Лейтенант Ершов и два сержанта шли за ним следом.

На нижней ступеньке Астахов остановился и нащупал деревянную дверь. Она была плотная и не имела щелей.

Капитан приложил к двери ухо и прислушался. За дверью было тихо. Астахов

осторожно надавил на нее. Она слегка подалась внутрь, образовав щель.

В землянке был полумрак. Человек в форме советского офицера сидел за столом и наблюдал за каким-то прибором, из которого шел тусклый свет. Видимо, свежий воздух, проникший в землянку через образовавшуюся щель, привлек его внимание. Он поднял голову и взглянул на дверь.

— Кто там? — спросил он.

Капитан Астахов распахнул дверь и стремительно вошел в землянку. Свет мгновенно погас, но Ершов и сержанты, быстро вскочившие в землянку вслед за капитаном, зажгли электрические фонари и направили их на неизвестного.

Астахов счастлив

Генерал Погодин не спал всю ночь. Он взволнованно ходил по своей комнате, ожидая возвращения Астахова. Предчувствие подсказывало ему, что капитан напал на верный след.

Когда Погодину доложили о приходе капитана, он бросил в пепельницу недокуренную папиросу и велел немедленно впустить Астахова.

В нескольких словах капитан доложил о своей ночной операции. Генерал выслушал его с нескрываемой радостью и пожал ему руку.

— Ну, а теперь, — сказал он, — ступайте спать и постарайтесь отоспаться за все эти лихорадочные дни.

Астахов вышел, но не спешил отдыхать, как советовал ему генерал. Он торопливо направился к штабу инженерных войск, где еще должна была работать Наташа над ложной оперативной картой, чтобы привлечь ею внимание шпионов. Эту приманку придумал Астахов, когда стал догадываться о способе получения информации фашистами.

Никогда еще не волновался так капитан, подходя к штабу инженерных войск, хотя не был вполне уверен, здесь ли еще Наташа или, окончив работу, ушла уже. Теперь Астахов шел к ней без подозрений. Теперь он с уверенностью знал, что она непричастна ко всей этой истории.

Возле землянки штаба инженерных войск его остановил часовой. Капитан назвал пропуск и стал спускаться по лесенке. В землянке было тихо, большинство лампочек выключено. За чертежным столом склонилась Наташа. Астахов тихо подошел к ней и долго стоял, не окликаая девушку. Наконец он дотронулся до ее плеча, и Наташа, вздрогнув, оглянулась.

— Простите, пожалуйста, — сказал смутившийся Астахов. — Я, наверное, напугал вас?

— Ничуть, — улыбаясь, ответила Наташа. — Получайте вашу карту, товарищ капитан, она готова. Не хочу вас ни о чем спрашивать, но у вас такое счастливое лицо, что так и хочется поздравить вас с какой-то удачей.

Капитан весело засмеялся, ничего не ответив ей, а Наташа спросила:

— Можно мне теперь идти спать?

— Да, конечно! — воскликнул Астахов и спросил, понизив голос: — Не могу ли я проводить вас? Нам ведь по пути.

— Когда к человеку пришла большая удача, не стоит доставлять ему мелкие огорчения, — смеясь, сказала Наташа. — Идемте.

Они вышли, и Астахов впервые осмелился взять ее под руку. Было свежо и необычно тихо. Легкий ветерок принес откуда-то издалека нежный запах полевых цветов. Небо очистилось от облаков, и тоненький серп молодого месяца осторожно выглядывал из-за острой крыши какого-то сарая.

— Будто и нет никакой войны, — задумчиво произнесла Наташа.

Капитан шел молча. Он был по-настоящему счастлив и жалел лишь о том, что путь до квартиры Наташи был недалек, а он готов был идти с ней хоть на край света.

Система умозаключения Астахова

В семь часов утра Погодин явился к командарму.

— Вижу по твоим глазам, генерал, что ты пришел ко мне с добрыми вестями, — поднимаясь навстречу Погодину, сказал командарм.

— Да, с добрыми. Разрешите докладывать?

— Приказываю докладывать, — усмехнулся командарм.

— Этой ночью, — начал Погодин, — капитан Астахов задержал двух фашистов, великолепно говоривших по-русски и имевших безукоризненные документы. В землянке, в которой их захватил капитан, был оборудован телевизионный приемник. Шпионы были пойманы с поличным, и у них хватило здравого смысла во всем сознаться. Вот в основном и все.

— Так, значит, тут телевидение? — оживился командарм. — Видение на расстоянии? — В раздумье он постучал пальцами по столу и добавил: — Впрочем, удивительного тут ничего нет. Применяют же теперь реактивные снаряды — “летающие бомбы”, которые с некоторой дистанции начинают “видеть” впереди лежащую местность и цель. Такие бомбы выпускаются с самолетов и снабжены телевизионными передатчиками, которые автоматически передают изображение по радио на экран оператора, находящегося на самолете-матке. В принципе тут нет ничего нового. Мы ведь и похитрее кое-что придумали в этой области. Интересно, однако, как шпионам удалось осуществить телепередачу из нашего штаба?

Погодин вынул из кармана электрическую лампочку и протянул ее командарму.

— Вот эта штука, — сказал он, — оборудована специальным патроном. Шпионы рассчитывали через электрика Нефедова подвесить ее над столом генерала Тихомирова или полковника Белова, но лампочка была повешена над столом чертежницы Кедровой, и это если и не погубило все предприятие шпионов, то значительно помогло нам разоблачить их.

— Но позволь, — заметил командарм, — ведь одной только лампочки недостаточно для телепередачи? — Да, но это была не обычная лампочка — в нее были вмонтированы

мельчайшие фотоэлементы и все остальные детали телепередатчика. Таким образом, лампочка освещала объект передачи, а фотоэлементы превращали освещенное изображение в электрические сигналы и передавали их по специальной проводке в землянку с приемной телеаппаратурой.

— Откуда же, однако, появилась у них эта проводка? — спросил командарм.

— Она ниоткуда не появилась. Вы же знаете, что штаб инженерных войск разместился в землянке, в которой раньше был штаб фашистского полка. Уходя, они оставили эту проводку вмонтированной в электрокабель, и поскольку кабель этот был вполне исправен, электрик штаба инженерных войск не задумываясь использовал его для освещения штаба. Точно так же была использована брошенная гитлеровцами совершенно исправная динамо-машина. Способствовал ли электрик шпионам невольно или преднамеренно, пока неизвестно. Мы уже арестовали его, но допросить еще не успели.

— Но как же все-таки удалось вам нащупать их?

Генерал Погодин достал из папки фотографию топографической карты с нанесенной обстановкой, положил ее перед командармом и стал объяснять:

— Когда мы проявили снимок, найденный у убитого радиста, о котором я вам докладывал, то нам удалось установить, что он был сделан под углом в семьдесят пять градусов. И вот капитан Астахов, занимавшийся расследованием этого дела, принялся рассуждать. Он допустил, что угол этот мог получиться при двух положениях: во-первых, если бы карта лежала на горизонтальной плоскости, а фотоаппарат при съемке был наклонен к ней под углом в семьдесят пять градусов; во-вторых, он допустил обратное положение, то есть что аппарат при съемке мог быть строго перпендикулярен к горизонтальной плоскости, а карта наклонена под углом в семьдесят пять градусов. Результат при этом будет один и тот же.

Погодин перелистал какие-то документы в своей папке, нашел чертеж, подал его командарму и продолжал:

— Придя к такому выводу, Астахов принялся изучать вот этот чертеж стола Кедровой и обнаружил, что рабочая плоскость этого стола наклонена как раз под углом в семьдесят пять градусов; электрическая лампочка же, висевшая над столом, являлась в этом случае идеальным перпендикуляром. Это и заставило его укрепиться в подозрении, что лампочка, служа сильным источником света, являлась в то же время и телепередатчиком, то есть, по существу, выполняла роль фотоаппарата. Следует отметить, что наклон чертежного столика Кедровой очень мешал шпионам. Они уверяют, что он испортил им многие донесения.

— Молодец капитан! — восхищенно воскликнул командарм. — Вызвать его ко мне немедленно.

Так как Астахов был поблизости, то он тотчас же явился на вызов.

Командарм внимательно посмотрел в его серые твердые глаза и крепко пожал ему руку.

— Так вот вы какой, капитан Астахов, — сказал он, будто впервые увидел капитана, хотя знал его уже не первый год.

Помолчав немного, все еще пытливо взглядываясь в Астахова, командарм повернулся к генералу Погодину и заявил:

— Как хочешь, Михаил Алексеевич, а я совершенно убежден, что глубокая вера в наших генералов, офицеров и солдат очень помогла капитану Астахову верно решить задачу. Ведь если бы стал он подозревать каждого из них, кто знает, сколько бы времени это отняло и как долго смогли бы в связи с этим фашистские шпионы пользоваться своей телевизионной установкой!

Командарм снова протянул Астахову руку и энергично потряс ее:

— Ну, спасибо же, товарищ капитан!

А жизнь армии между тем шла своим чередом. По-прежнему войсковые разведчики вели наблюдение за передним краем обороны противника, войска продолжали сосредотачиваться, штабы приступали к разработке новых операций. И очень мало кто знал о ведущейся каждый день невидимой войне, в которой было не меньше напряжения и опасностей, требовалось не меньше находчивости и смелости, чем в той большой войне, которую вела вся Советская Армия и успех которой очень часто зависел от этой маленькой войны, происходящей в тишине.